

УДК 070

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-75-81

Анатомия революции: «Несвоевременные мысли» М. Горького в «Новой жизни»

Ю. В. Шатин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается одно из ярких публицистических сочинений М. Горького – «Несвоевременные мысли». Основной площадкой, где публиковались очерки писателя, стала газета «Новая жизнь», основанная писателем вместе с В. А. Десницким в апреле 1917 г. и закрытая по личному распоряжению В. И. Ленина в июле 1918 г. В 1920 г. писатель решил выпустить отдельную книгу, дополнив ее очерками из другого цикла «Революция и культура» и заменив хронологический принцип расположения материала тематическим. В статье указывается, что в результате изменений, потеряв некоторые признаки, присущие журналистскому дискурсу с его линейной временной последовательностью, книга приобрела новые параметры, усилившие художественно-публицистическое звучание текста, который наряду с документальным материалом получал теперь более обобщенное значение.

Важным принципом поэтики книги стало обретение баланса между энтимемой и примером как способом развертывания материала. Художественный прием, открытый Л. Н. Толстым в «Анне Карениной» и «Воскресении», позволил Горькому демистифицировать тезис о гуманном характере событий 1917–1918 гг. и создать объективную картину переворота, избегая как передержек со стороны большевистской прессы, так и диффамации, свойственной контрреволюционным изданиям. Вместе с тем достоверная анатомическая картина русской революции не избавила Горького от утопических надежд на культуру как средство общественного спасения. В этой утопии уже содержались предпосылки будущего союза Горького с большевиками, союза, который вызвал неоднозначную реакцию современников писателя и потомков.

Ключевые слова

Горький, «Несвоевременные мысли», «Новая жизнь», энтимема, пример

Для цитирования

Шатин Ю. В. Анатомия революции: «Несвоевременные мысли» М. Горького в «Новой жизни» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 6: Журналистика. С. 75–81. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-75-81

The Anatomy of Revolution: “The Ill-Timed Thoughts” by M. Gorky in “New Life”

Yu. V. Shatin

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. In this article, one of the brightest publicist compositions of M. Gorky – «Untimely thoughts» is being considered. The main platform, where the author’s essays was being publicized, is the «New life» newspaper, which was established with V. A. Desnitsky in April of 1917 and closed by personal disposition of V. I. Lenin in July of 1918. After closing of the newspaper, in 1920 the author decided to publish separate book, augmented it with essays from another cycle «Revolution and culture» and exchanged chronological principle of positioning of the material with thematic one.

Results. In this article is pointed, that, as a result of changes, the book has loosed some features, inherent to journalistic discourse with its linear time sequence, but gained new features, which have amplified artistic-publicistical speech of the text, which took more generalized meaning along with the documentary material.

Gaining of balance between an entinema and an example as a way to expand the material have been became the important principle of the book’s poetics. Artistic method, discovered by L. N. Tolstoy in «Anna Karenina» and «Resurrection», made Gorky able to demystificate thesis about humanin character of events of 1917–1918 years and occupy objective view on the revolution, avoiding influence of Bolshevik’s press and defamation, peculiar to counterrevolution publications.

Conclusion. Also, true anatomical view on the Russian revolution haven’t deliver Gorky from utopical hope for culture as a remedy for the social rescue. In this utopia, prerequisites of the future union between Gorky and Bolsheviks, which caused ambiguous reaction of descendants, already appeared.

Keywords

Gorky, «Untimely thoughts», «New life», entinema, example

For citation

Shatin Yu. V. The Anatomy of Revolution: “The Ill-Timed Thoughts” by M. Gorky in “New Life”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 6: Journalism, p. 75–81. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-75-81

Введение

В данной статье речь пойдет о трех вещах: революции, газете «Новая жизнь» и книге М. Горького «Несвоевременные мысли», большая часть фрагментов которой напечатана в этой газете. Здесь необходимо сделать несколько уточнений. Концепт революции понимается в двух смыслах: конкретно-историческом, охватывающем промежуток между апрелем 1917 г., временем начала издания газеты, и июлем 1918, когда она была закрыта по личному распоряжению В. И. Ленина, и трансцендентном как реализация механизма взрыва и последовавшего за ним целенаправленного уничтожения культуры.

Говоря о «Новой жизни», следует иметь в виду, что, хотя М. Горький и его публицистика занимали в ней ведущее место, позиция писателя не полностью совпадала с другими членами редакции – Тихоновым и Десницким, стоявшими в сравнении с Горьким на более радикальных позициях. Подобное обстоятельство обусловило особое отношение к газете двух враждебных друг другу лагерей. Если большевистская публицистика и печать клеймили «Новую жизнь» за предательство интересов революционного пролетариата, то контрреволюционное крыло общественной мысли не без оснований подозревало многих авторов в тайной симпатии к большевикам. Так, З. Н. Гиппиус в дневнике 28–29 октября записывает: «Газеты все

задушены... Красуется, помимо “Правды”, эта тля – “Новая жизнь”» [Гиппиус, 2017. С. 298]. При этом именно сбалансированная позиция газеты во многом позволила ей максимально точно передать динамику революции, не скрывая ее уродства, с одной стороны, и избавляя читателей от антропофагических рассказов о пирожках из человеческого мяса¹, с другой.

Наконец, третье уточнение касается непосредственно текста «Несвоевременных мыслей». За время существования газеты Горький напечатал в ней 80 статей, из которых 58 входили в названный цикл. В 1920 г., уже после закрытия газеты, писатель решил выпустить отдельную книгу, заменив хронологический принцип расположения материала тематическим и дополнив ее 16 статьями из другого цикла «Революция и культура». Таким образом, потеряв некоторые координаты, присущие журналистскому дискурсу с его линейной временной последовательностью, книга приобретала новые параметры художественно-публицистического высказывания, сочетающие точные факты с фундаментальными обобщениями. При жизни Горького книга не была издана, любое упоминание о ней в СССР было невозможным. Сами же фрагменты широко использовались эмиграцией в борьбе с коммунистической идеологией. В нашей стране книга впервые была напечатана в 1990 г.

История изучения «Несвоевременных мыслей»

После десятилетий вынужденного молчания обращение отечественных исследователей к «Несвоевременным мыслям» происходит лишь на рубеже 1980–1990-х гг. В 1988 г. на страницах журнала «Нева» появляется статья Л. Резникова «О книге М. Горького “Несвоевременные мысли”» [Резников, 1988], в которой излагается история создания книги и ее основная проблематика. Четыре года спустя журнал «Русская литература» публикует статью Дженлоренцо Пачини о «Несвоевременных мыслях», являющуюся предисловием к итальянскому изданию 1980 г. По мнению автора, «“Несвоевременные мысли” нам показывают иного Горького, чем тот, который изображен в советской иконографии... Это образ Гамлета, немого двусмысленный и полный противоречий» [Панчини, 1992, с. 205].

Из публикаций начала нынешнего века особого внимания заслуживает статья И. В. Тарасовой «“Несвоевременные мысли” М. Горького и структура произведения» [2009], напечатанная в электронном журнале «Медиаскоп», где содержится ряд интересных наблюдений над поэтикой горьковской книги. Труд Горького заинтересовал и методистов. В 1996 г. в Абакане вышли методические указания В. И. Литвиновой «Судьба интеллигенции в русской литературе» [1996], в которых «Несвоевременным мыслям» отведено основное место.

Несмотря на значимость указанных работ, многие проблемы «Несвоевременных мыслей» требуют дополнительного изучения. Это касается не только слабо исследованной поэтики книги, но и ответа на основной вопрос, насколько труд Горького отразил систему его мировоззрения и почему в ней при всей резкости высказываний в адрес революции и ее вождей содержались предпосылки будущего союза с большевиками.

Проблематика и поэтика анатомии революции

Как уже было сказано, в отличие от цикла очерков 1917–1918 гг. к 1920 г. «Несвоевременные мысли» приобрели вид художественного целого, сочетавшего наряду с публицистическим пафосом определенные художественные установки. Важнейшим принципом поэтики теперь становится определенный баланс энтимемы и примера как способа развертывания материала. Как известно, этот прием был транспонирован в поэтику из классической риторики и получил широкое распространение в творчестве Л. Н. Толстого. Начиная с 1870-х гг. в романе «Анна Каренина» энтимема о несчастных семьях, каждая из которых несчастна по-своему, развертывается в повествование о трех семьях – Облонских, Карениных и Лёвиных,

¹ Более подробно о газете см.: Коростылёв С. П. Газета «Новая жизнь» (191–1918) и цензурные условия в России после Февральской и Октябрьской революций // Вестник МГУ. Журналистика. 2014. № 3. С. 103–118.

события в жизни которых и образуют романский сюжет. Позднее, в «Воскресении», писатель доводит этот прием до логического предела. Теперь пример всякий раз подчиняется энтимеме, а его выбор лишь в малой степени предопределен задачами фабульного развертывания, но мотивируется исключительно движением авторской мысли.

М. Горький активно использует художественный опыт Толстого, но переводит его в новый регистр. Внеположенной тексту действительностью становятся не судьбы отдельных людей и даже целых сословий, но взбаламученное море России. Сама фигура автора при этом не ограничивается проповедью против насилия, но погружается в анализ, целью которого становится анатомия революции. И. В. Тарасова справедливо замечает, что «одним из начал, организующих текст “Несвоевременных мыслей” в целое, является “живой голос”». Это – отрывки из писем, цитаты, документы, уличные разговоры. При этом включение “живых голосов” всегда, служит поводом к дальнейшему развитию мысли. Поэтому в системе “Несвоевременных мыслей” цитирование играет роль некой точки отсчета, является поводом для разговора» [Тарасова, 2009]. Как известно, опыт включения документального материала в художественную структуру начал использовать Лев Толстой. Так, в «Воскресении» дается почти дословный пересказ факта избияния арестанта офицером, заимствованный из книги А. Д. Линёва «По этапу», а также факт смерти пяти арестантов от солнечного удара при переводе из Бутырского замка на вокзал. Хотя у нас нет прямых ссылок Горького на художественный опыт Толстого, его частое обращение к принципам риторики с большой долей вероятности позволяет предположить влияние последнего толстовского романа на структуру «Несвоевременных мыслей».

Уже в первом фрагменте задается основная контрверза – революция и культура. «Интересы всех людей имеют общую основу, где они солидаризируются, несмотря на неустраняемые противоречия классовых трений» [Горький, 1990. С. 80]². В этой антиномии революция выступает как способ утверждения власти, а знание – как культура, гасящая последствия разрушающего взрыва. В качестве примера писатель приводит 23 марта 1917 г. – день похорон жертв Февральской революции на Марсовом поле: «мощное явление спокойной разумности» еще сохраняющего признаки единства социума.

Однако по мере движения от фрагмента к фрагменту тревога за будущее культуры усиливается. «Освободясь от рабства внешне – внутренне мы продолжаем жить чувствами рабов. Еще раз – наш самый безжалостный враг – наше прошлое» (с. 83). Анатомия революции приводит Горького к парадоксальному заключению: культура, основанная на знании прошлого, обеспечивает рывок в будущее; революция, уничтожая культуру, совершает прыжок в прошлое. Революция, таким образом, создает обратный ход времени. «Десятки тысяч изуродованных солдат долго, до самой смерти, не забудут о своих врагах. В рассказах о войне они передадут свою ненависть детям, воспитанным впечатлениями трехлетнего ежедневного ужаса. За эти годы много посеяно на земле вражды, пышные всходы даст этот посев» (с. 86).

Следуя за хронологией событий 1917 г., писатель увеличивает число примеров, усиливает объемность картин революции, при этом сами рассуждения делаются более лаконичными, но не менее жесткими. Вот как описываются события 4 июля 1917 г. – генеральной репетиции большевистского переворота: «...ощетинясь винтовками и пулеметами, мчитя, точно бешеная свинья, грузовик, тесно набитый представителями “революционной армии”» (с. 91). Нарастание классовой ненависти проявляется прежде всего в усиливающейся агрессивности толпы. В девятом очерке дается страшная картина утопления только что пойманного карманника, при этом Горький подчеркивает, что за время революции насчитывается десять тысяч случаев самосуда. Ведь самосуд невозможен без революции, точно так же, как и революция – без самосуда. В этом смысле абсолютно прав Серж Московичи, говоря, что «наказание больше похоже на религиозный ритуал, инсценирующий добро и зло. Оно раскаляет добела социальное пространство, разжигая страсти, испытываемые всеми, но претерпеваемые на их

² В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

пике лишь единичным субъектом. Его функция тем самым является катартической: оно устраняет преступление или отклонение как болезнь или потрясение умов» [Московичи, 1998. С. 134]. Наказание направлено не столько на наказуемого, сколько на наказывающую толпу, придавая патологическим наклонностям статус повседневной нормы.

В «Несвоевременных мыслях» Горький разоблачает еще один из мифов революции – миф об обнищавшем крестьянстве. Революционные события не только не разорили крестьянство, но, напротив, предоставили ему возможность беспрепятственной экспроприации накопленных господствующими классами богатств, а его угнетение в конце 1920-х гг. стало попыткой вернуть часть награбленного со стороны тоталитарного государства. «Мужики развезли по домам все, что имело ценность в их глазах, а библиотеки – сожгли, рояли изрубили, картины изорвали. Предметы науки, искусства, орудия культуры не имеют цены в глазах деревни – можно сомневаться, имеют ли они цену в глазах городской массы» (с. 94). Структура подготовленной к печати книги построена по принципу нарастания тенденций к демифологизации с учетом временной перспективы, отделившей книгу от очерков, печатавшихся в «Новой жизни». «Мужик за время войны, а солдат в течение революции кое-что нажили, и оба хорошо знают, что на Руси всего лучше обеспечивают свободу человека – деньги. Попробуйте разрушить это убеждение или хотя бы поколебать его» (с. 184). Обратившись к опыту Парижской Коммуны, писатель подчеркивает, что именно крестьяне «зарезали» ее.

Еще одним из важных моментов публицистического пафоса «Несвоевременных мыслей» становятся рассуждения о соотношении революционной массы и ее вождей. Если до Октября 1917 г. этот мотив не занимал сколько-нибудь существенного места, то по мере приближения этой даты он делается едва ли не самым важным. В преддверии Октябрьского переворота Горький пророчествует: «На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут “творить историю русской революции”» (с. 148). А несколько дней спустя писатель уже огласит поименный список творцов революции: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме прав, за торжество которых боролась демократия... Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть, что из этого выйдет» (с. 149).

Возвращаясь к основному художественному приему «Несвоевременных мыслей» – движению от энтимемы к примеру, следует заметить, что наиболее сильной стороной публицистики является критическое изображение революционного процесса. В сравнении с ним размышления о судьбе культуры и ее будущем в послереволюционную эпоху выглядят менее глубокими и последовательными. Будучи инкорпорирован в высшие слои литературной элиты из чуждой культуре среды нижегородского мещанства, Горький до конца своих дней сохранял трепетно мистическое отношение к культуре, рассматривая ее не как инструмент социального взаимодействия, но как некий дар свыше. Вполне естественно, что при такой установке культура превращается в утопию, основное средство общественного спасения. Отсюда стремление писателя вывести деятелей культуры за границы революционного противостояния, оградить их охранной грамотой. Возмущаясь возможностью мобилизации деятелей культуры на фронт, Горький пишет: «Неужели эта проклятая бойня должна превратить и людей искусства, дорогих нам, в убийц и трупы» (с. 115). А двумя фрагментами ниже прямо заявляет: «...для меня писатель Лев Толстой или музыкант Сергей Рахманинов, а равно и каждый талантливый человек, не равен батальонному комитету» (с. 117).

Диагноз Горького столь же справедлив, сколь и утопичен: «Отечество чувствовало бы себя в меньшей опасности, если бы в основе было больше культуры» (с. 122). Увы, это не так. Исторический опыт XX в. показал, что само по себе нахождение на высотах культуры не

способно спасти человечество от мировой войны, геноцида, холокоста и других сопутствующих мерзостей.

Именно разрыв между страшной повседневностью революции и культурной утопией многое объясняет в последующей судьбе Горького. Еще в 1918 г. он заговорил о необходимости любить человека не столько таким, каким он является, сколько таким, каким он окажется в будущем. Таким образом, задолго до Первого съезда советских писателей он провозгласил один из главных тезисов социалистического реализма – изображать жизнь в ее революционном развитии, такой, какой она окажется в неопределенном будущем.

Вполне вероятно, что концепт культуры в «Несвоевременных мыслях» стал для Горького попыткой собрать своеобразное лего из существовавших и еще существующих фрагментов реальности. Собрать его оказалось невозможным не только в силу неполноты элементов, но главным образом потому, что четкой границы между революцией и культурой провести было нельзя, взрыв оказался частью культуры, ее неизбежным элементом. «Несвоевременные мысли» потерпели фиаско там, где Горький ожидал меньше всего: в мозаичном характере самой культуры, оказавшейся на перепутье между гуманистическими ценностями и кровавыми ужасами революции. В утопическом характере «Несвоевременных мыслей» уже содержались предпосылки будущего союза Горького с большевиками, союза, вызывающего неоднозначную реакцию современников писателя и потомков.

Заключение

В 1938 г. в «Некрополе» В. Ф. Ходасевич, один из самых близких к Горькому людей в первой половине 1920-х гг., подвел итог деятельности писателя: «Великий поклонник мечты и возвышающего обмана, которых по примитивности своего мышления он никогда не умел отличать от обыкновенной, часто вульгарной лжи, он некогда усвоил себе свой собственный, “идеальный”, отчасти подлинный, отчасти воображаемый образ певца революции и пролетариата. И хотя сама революция оказалась не такой, какую он создал своим воображением, мысль о возможной утрате этого образа, о “порче” биографии, была ему нестерпима. Деньги, автомобили, дома – все это было нужно его окружающим. Ему самому нужно было другое, он в конце концов продался, но не за деньги, а за то, чтобы для себя и для других сохранить главную иллюзию своей жизни» [Ходасевич, 1991. С. 363].

Более суровой оказалась оценка нашего современника Павла Басинского: «Всё в нем соединилось в гремучую смесь, любовь к человеку и ненависть к людям, поиски Бога и антихристианство, воля к жизни и воля к самоуничтожению, любовь к России и описание свинцовых мерзостей ее. Жалость и жестокость. Здоровье и “декаданс”. Всё. Всё. Всё» [2005. С. 181]. Не присоединяясь к какой-либо из этих двух точек зрения, отметим, что художественное творчество и публицистика Буревестника революции таит в себе еще много глубин и загадок, которым, возможно, еще предстоит стать проектами будущих исследований.

Список литературы

- Басинский П. Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. 451с.
Гиппиус З. Дневник. М.: Захаров, 2017. 528 с.
Горький М. Несвоевременные мысли. М.: Современник, 1990. 394 с.
Литвинова В. И. Судьба интеллигенции в русской литературе: Методические указания по изучению публицистики М. Горького в школе и вузе. Абакан: Изд-во ХакГУ, 1996. 24 с.
Московичи С. Машина, творящая Богов. М.: Когито-центр, 1998. 560с.
Панчини Д. «Несвоевременные мысли» Максима Горького (предисловие к итальянскому изданию) // Русская литература. 1992. № 3.
Резников Л. О книге Горького «Несвоевременные мысли» // Нева. 1988. № 1. С. 148–171.

- Тарасова И. В.** «Несвоевременные мысли» М. Горького: «авторская воля» и структура произведения // Медиаскоп. 2009. Вып. 4.
- Ходасевич В. Ф.** Воспоминания о Горьком // Ходасевич В. Ф. Белый коридор. Воспоминания. Омск: Омск. кн. изд-во, 1991. 366 с.

References

- Basinsky P.** Gor'ky [Gorky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2005, 451 p. (in Russ.)
- Gippius Z.** Dnevnik [Diary]. Moscow, Zaharov Publ., 528 p. (in Russ.)
- Gorky M.** Nesvoevremennye mysli [Ill-timed thoughts]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, 394 p. (in Russ.)
- Khodasevich V.** Vospominaniya o Gor'kom [Memories about Gorky]. In: Khodasevich V. Vospominaniya [Memories]. Omsk, Omsk Book Publ., 1991, 366 p. (in Russ.)
- Litvinova V.** Sud'ba intelligentsiya v russkoj literature: metodicheskie ukazaniya po izucheniyu publitsistiki M. Gor'kogo v shkole i v vuze [Destiny of intelligentsia in Russian literature: study of Gorky's political journalism in school and higher educational institution]. Abakan, Khakass State University Publ., 1996, 24 p. (in Russ.)
- Moskovichi S.** Mashina, tvoryashchaya Bogov [Machine created gods]. Moscow, Cogito-tsentrl Publ., 1998, 560 p. (in Russ.)
- Punchini J.** «Nesvoevremennye mysli» (predislovie k italjanskomy izdaniyu) [“Ill-timed thoughts” by Gorky (preface to Italian publication)]. *Russkaya literatura*, 1992, no. 3. (in Russ.)
- Reznikov L.** O knige Gor'kogo «Nesvoevremennye mysli» [About the book “Ill-timed thoughts” by Gorky]. *Neva*, 1988, no. 1, p. 148–171. (in Russ.)
- Tarasova I.** «Nesvoevremennye mysli» M Gor'kogo: «avtorskaya volya» i struktura proizvedeniya [«Ill-timed thoughts» by M. Gorky: Will of author and structure of work]. *Mediascop*, 2009, iss. 4. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
04.02.2019

Сведения об авторе

Шатин Юрий Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории журналистики Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия), профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия), главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)
shatin08@rambler.ru

Information about the Author

Yury V. Shatin, Doctor of Philology, Professor of the Department of History and Theory of Journalism of Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation). Professor of the Department of Russian Literature and Literary Theory of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation). Chief Researcher of Literary studies Section of the Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
shatin08@rambler.ru